

Федеральный закон «О языке»: феномен добрых намерений

Анатолий Баранов

1. Закон «О языке» как часть языковой политики

Языковая политика и языковое строительство – два ведущих направления, по которым государство может влиять на функционирование языка в обществе. Языковая политика позволяет сохранять статус-кво, существующий в языковом сообществе между литературным языком и диалектами, жаргонами, между несколькими государственными языками, если таковые допускаются и т.д. Языковая политика формируется в виде политических целей государства по отношению к функционированию языка в обществе и формулируется как законодательно, так и в программных документах политических субъектов (политических организаций, если таковые отражают направление государственной политики).

Языковое строительство направлено на изменение статус-кво, на формирование или онтологизацию («закрепление») новой языковой реальности в обществе¹. Реализация целей языковой политики обеспечивается нормативными словарями, грамматиками, сводами правил орфографии и пунктуации. Характерные проявления языковой политики в бывшем СССР – это создание серии нормативных толковых словарей – словаря под редакцией Д.Н. Ушакова, словаря С.И. Ожегова (позднее – С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой), Большого и Малого академических словарей. Практически все они (может быть за исключением словаря С.И. Ожегова) создавались как национальные проекты, финансируемые государством. Языковое строительство в советскую эпоху реализовалось в ряде крупных проектов по созданию литературных языков для народов, не имевших серьезной литературной традиции, а также алфавитов для бесписьменных языков народов СССР. Разумеется, к сфере языкового строительства следует отнести и послереволюционную реформу письменности, которая, впрочем, готовилась еще в дореволюционное время

¹Отметим, что в широком понимании в сферу языковой политики входит и языковое строительство – как средство реализации соответствующих политических программ.

силами известных российских лингвистов (в частности Бодуэном де Куртене).

Относительно недавно принятый Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (далее Федеральный закон «О языке») должен рассматриваться как часть языковой политики. Действительно, большая часть статей закона фиксируют ту ситуацию, которая сложилась к настоящему моменту с функционированием русского языка на территории России. Судопроизводство ведется в России на русском языке (п. 1 ст. 3), федеральные средства массовой информации также используют русский язык (п. 1 ст. 5), взаимодействие между органами власти и гражданами России в подавляющем большинстве случаев происходит на русском языке (п. 1 ст. 3), документооборот происходит на русском языке – за исключением именно тех случаев, которые предусмотрены законодательством (п. 1 ст. 3). Существует ли реальная опасность изменения статуса русского языка в России как государственного? В современный исторический период – очевидно, нет. Кроме того, особый статус русского языка зафиксирован в Конституции РФ (ст. 68) и некоторых других федеральных актах (см., в частности, ФЗ «О языках народов Российской Федерации»). Конечно, русский язык постепенно теряет свои позиции как средство межнационального общения на пространстве бывшего СССР (ср., например, языковую ситуацию в прибалтийских республиках, да и не только в них), но вряд ли закон писался, обсуждался в прессе (часто довольно критично) и проходил длинную череду разнообразных согласований именно ради этого. Лишь два небольших фрагмента закона связаны с функционированием русского языка за рубежом: пункт 4 ст. 4 содержит указание на то, что государство принимает меры для подготовки специалистов по преподаванию русского языка иностранцам, а п. 5 той же статьи обязывает государство содействовать изучению русского языка за рубежом. Требуется ли особой законодательной поддержки обучение специалистов по преподаванию русского языка иностранцам? Опять-таки ответ очевиден: это совсем не плохо, но совершенно не критично, поскольку сфера преподавания русского языка иностранцам (при всех флюктуациях – часто довольно неожиданных) стабильно развивается в силу реально существующего социального заказа. С другой стороны, данный закон вряд ли изменит языковую ситуацию в Прибалтике и в других странах бывшего СССР.

2. Причины появления «Закона о языке»

Возникает естественный вопрос: каковы причины появления данного законодательного акта? Разумеется, в полной мере ответить на этот вопрос вряд ли возможно. По большей части политическая деятельность в современной России непрозрачна, напоминая в этом отношении советскую эпоху, когда о состоянии дел в партийной верхушке судили по порядку следования докладчиков на съездах КПСС. Однако, некоторые вполне правдоподобные суждения высказать можно, если опираться просто на здравый смысл и знания о политической и шире – социальной – ситуации в России.

Первая причина – политико-идеологическая. Язык и – что много удивительнее – проблемы изучения языка странным образом часто оказывались в центре идеологических баталий, что становилось известным достаточно широкой публике. Сталинский период был отмечен деятельностью Н.Я. Марра (имевшей, впрочем, и позитивные следствия – развитие типологического языкознания в СССР) и последовавшей дискуссией о сущности языка и методах его изучения (сопровождавшейся обменом писем в газете «Правда»: письмо тов. Санжеева тов. Сталину, ответ тов. Сталина тов. Санжееву и т.д.). Дискуссия о реформе русского языка в хрущевскую эпоху в конце концов также приобрела идеологические формы. В 70-80 гг. с чисто идеологических позиций осуждался идеализм в языкознании, формально связывавшийся со структурным методом, но реально направленный против конкретных ученых (в частности, против В.А. Звегинцева и его учеников). Б.А. Серебренников посвятил новой волне идеологической борьбы в языкознании книгу, в которой квалифицировал сторонников «марксистских» методов (прежде всего О.С. Ахманову, Ф.П. Филина и Р.А. Будагова) как «неомарристов»².

В современный период дискуссии по проблемам функционирования русского языка опять приобрели идеологический привкус. Крушение коммунистической идеологии привело к идеологическому вакууму, который должен быть чем-то заполнен. Это критически важно для России, сталкивающейся с очевидной опасностью децентрализации, экономической экспансией сопредельных держав и другими вызовами современности. Национальная самоидентификация граждан России как россиян требует какой-то концептуальной основы. В качестве таковой сейчас видятся три

² Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.

возможных ценностных сферы: общая история, религия и русский язык. Попытку правящей политической элиты опереться на ценности православия вряд ли можно признать удачной хотя бы потому, что Россия многоконфессиональная страна. Общая история – более перспективная ценностная категория, хотя тоже небесспорная, поскольку образование российского государства сопровождалось многочисленными конфликтами, часто весьма кровавыми, оценка которых в современную эпоху становится весьма амбивалентной. Так, татаро-монгольское нашествие в некоторых интерпретациях постепенно приобретает явные черты культуртрегерской миссии, существенно переосмысливается роль в истории России коренных национальностей многих российских территорий и т.д. В этом смысле русский язык, знание которого так или иначе необходимо для минимальной социализации в России, оказывается тем, что объединяет всех россиян. Таким образом, появление Федерального закона «О языке» можно считать политико-идеологическим актом, обусловленным задачами формирования идеологических ценностей, лежащих в основе новой усиленно формируемой идеологии.

Вторая причина – магическая. Современная политика, причем не только российская, совсем не чужда вере в волшебное могущество слова. В России эти представления имеют глубокие корни в советской пропаганде, в традициях лозунговой коммуникации³. Лозунг *Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!*, повторяющий известную сентенцию Н.С. Хрущева, конечно же, не имел ничего общего с реальностью, а выражал, скорее, желание изменить действительность, причем не столько делами, сколько именно словами⁴. В современной России прекрасным примером такого рода может служить известная инициатива председателя Общественной палаты академика Е. Велихова о запрете на употребление слов *доллар* и *евро* в публичной коммуникации. Согласно именованному физиком, запрет на использование названий иностранной валюты укрепит рубль. Инициатива была всецело поддержана депутатами Думы: в июле депутаты приняли во втором чтении

³ Баранов А.Н. Языковые игры времен перестройки (феномен политического лозунга) // Русистика. 1993. № 2; Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов // Левин Ю.И. Поэтика. Семиотика: Избранные труды. М., 1998.

⁴ Неосторожное заявление Н.С. Хрущева привело к многочисленным истолкованиям его слов. Так, автора в школе учили, что поскольку социализм – это первая фаза коммунизма, то действительно, претензий быть не может – живем при коммунизме. При этом истолкователи забывали, что и во времена Хрущева социализм был уже построен. Иными словами, Хрущев имел в виду именно последнюю фазу коммунизма.

законопроект, который существенно ограничивает возможность употребления членами правительства в официальных выступлениях наименований иностранных валют.

В этом смысле ФЗ «О языке» реализует и магическую функцию. Например, в п. 5 ст. 1 говорится именно о желаемом:

Ст. 5. Защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации способствуют приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации. Приведенный фрагмент закона имеет модальность, которую можно описать, как «пусть будет так». Определить, способствует ли защита и поддержка русского языка приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации вряд ли возможно. Да это и не предполагается, поскольку в данном случае тексту закона приписывается магическая функция: реальность меняется настолько, насколько на нее может воздействовать данная фраза. Можно сказать и проще: рассматриваемая статья закона декларативна, она представляет собой отражение добрых намерений законодателя, которые нельзя не разделять, но которые не всегда уместны в конкретной законотворческой деятельности.

Третья причина – регулятивная, реализующая право государства на проведение языковой политики. Сущность языковой политики в узком понимании заключается в сохранении баланса между существующими в обществе языками, диалектами, в определении и сохранении сферы употребления государственного языка. Между тем, ряд важных функций, связанных с регулятивной деятельностью государства в области языковой политики, не был законодательно «прописан», закреплен в соответствующих законодательных актах. В первую очередь речь идет о процедуре легитимизации правил орфографии и пунктуации. Действующие в данный момент правила были утверждены Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР в 1956 г. Однако в законодательстве СССР не содержалось нормы, предписывающей проводить утверждение правил именно указанными общественными (Академия наук) и государственными институтами (почему, например, не Верховным Советом, Генеральным секретарем ЦК КПСС?), не была четко определена сама процедура утверждения правил, не указывались и организации, ответственные за подготовку свода правил. В этом отношении принятый закон делает определенный шаг вперед, поскольку в п. 3 ст. 1 ФЗ указывается:

Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации.

Указание на правительство как государственный институт, ответственный за организацию процедуры утверждения свода правил, необходимо, хотя и заведомо недостаточно. Все остальное – составление свода правил, его обсуждение, проверка и пр. – вынесено за рамки закона, что открывает чиновникам безграничную свободу в выборе организации, разрабатывающей свод правил, в организации экспертизы проекта, в возможностях учета результатов возможного общественного обсуждения. Можно себе представить, как это будет делаться...

3. Регулирование языковой системы

В Федеральном законе «О государственном языке» есть и другие регулятивные статьи, носящие более «лингвистический» характер, то есть связанные не с распространением русского языка в тех или иных сферах общения, не с легитимизацией правил орфографии и пунктуации, не с пропагандой русского языка, а с попыткой упорядочения системы языка. Показателен в этом смысле п. 6 ст. 1 ФЗ «О государственном языке»:

При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке.

Фраза *не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам русского языка* изначально воспринимается читателем как запрет на использование слов и выражений с орфографическими, пунктуационными и стилистическими ошибками. Однако, продолжение *за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке* заставляет предположить, что законодатель⁵ и в первой части фразы имел в виду заимствования. Даже если первая часть рассматриваемого предложения понимается

⁵ Хотя бы отчасти персонифицируем законодателя: руководителем группы по разработке данного закона был зампреда комитета по делам Федерации Каадыр-оол Бичелдей.

расширительно (что стилистически не вполне удачно), фиксация внимания на иностранных заимствованиях отражает наивное представление о том, что «порча» языка связывается в первую очередь с заимствованиями. Об этом, как известно, писал и основатель советского государства. Психологическая мотивация такого представления понятна, но не имеет под собой никаких серьезных научных оснований: большая часть лексики русского языка образована именно заимствованиями. Даже такие, казалось бы, исконно русские слова, как *терем*, *сарафан*, *витязь* являются заимствованиями, соответственно, из греческого, персидского и германских языков, но давно освоены русским языком. Русский язык легко усваивает нужные заимствования и отбрасывает ненужные. Проблема вовсе не в этом, а в неспособности большинства населения России использовать литературный язык как средство выражения своих мыслей, в ухудшении качества преподавания русского языка и, как следствие, в относительной грамотности населения.

Заслуживает внимания и сама идея запрета на использование иностранных слов, которые имеют аналоги в русском языке. Сразу возникает вопрос, что имел в виду законодатель под словом *аналог*? Синоним? Квасисиноним? Для простоты будем считать, что имеются в виду именно синоним или квазисиноним. Возьмем два слова *лингвистика* и *языкознание*, обозначающие одно и то же – науку о языке. Первое является очевидным заимствованием, а второе воспринимается как исконно русское. Отказ от использования заимствования приведет к появлению следующих словосочетаний: *компьютерное языкознание*, *когнитивное языкознание*, *дескриптивное языкознание*. Вряд ли такая замена будет соответствовать нормам русского языка. Можно сказать в ответ, что слово *лингвистика* не нарушает норм русского языка, поскольку оно фиксировано в толковых словарях. Но появившееся в совсем недавний исторический период слово *менеджмент* также должно было бы быть исключено из словаря русского языка, поскольку оно не было фиксировано в словарях русского языка, а его «аналогом» (синонимом или квазисинонимом) является слово *управление*. Тогда мы получили бы в русском языке такие словосочетания как *сетевое управление* (вместо *сетевой менеджмент*), *управление развития* (вместо *менеджмент развития*), *политическое управление* (вместо *политический менеджмент*) а также производное *управленец*, однако не в ныне существующем значении «администратор в государственном учреждении в советскую эпоху», а в значении ныне употребляемого слова *менеджер*: *управленец магазина*, *управленец по продажам* и т.д.

Из этих простейших рассуждений следует, что довольно часто существование в русском языке двух квазисинонимов, один из которых уже освоен русским языком, а другой воспринимается как недавнее заимствование, объясняется тем, что близкие по значению слова используются для обозначения несколько разных сущностей, понятий. Так, слово *лингвистика*, будучи сравнительно недавним заимствованием, используется для обозначения современных, сравнительно недавно возникших направлений науки о языке, а термин *языкознание* – классических, ср. *сравнительно-историческое языкознание* при явной неудачности *сравнительно-историческая лингвистика* или *математическая лингвистика* при некорректности *математическое языкознание*, ср. также *психоллингвистика* и **психоязыкознание*. Не тождественны по значению и термины *управление* и *менеджмент*. Словом *менеджмент* обычно называют особый тип управления: это теория и практика управления фирмой в условиях рынка, управление сотрудниками фирмы, управление каким-то аспектом деятельности фирмы. Именно поэтому словосочетания *управленец магазина*, *управленец по продажам* воспринимаются как ошибка или как языковая игра.

Понятно, что п. 6 ст. 1 ФЗ «О государственном языке», по замыслу законодателя, должен был бы привести к такой ситуации, когда и слово *лингвистика*, и термин *менеджмент* не попали бы в словарь русского языка, а соответствующие русские слова использовались бы и в тех случаях, когда сейчас используются заимствованные термины. Могло бы это способствовать «улучшению» русского языка? Вряд ли. Наверное, это дало бы эффект «консервации» состояния лексической системы, привело бы к увеличению полисемии, снижению смыслоразличительного потенциала лексики (ср. *управление развития* может пониматься и как процесс, и как организация, государственный институт), и как итог – к общему затормаживанию процессов развития русского языка. В любом случае такое языковое регулирование трудно назвать «борьбой за чистоту языка», на которую, как я полагаю, будучи полон добрых намерений, и рассчитывал законодатель.

Рассматриваемый закон, способствующий замене *галоси* на *мокроступы*, явственно ассоциируется с известной идеологической концепцией славянофильства, рассматривавшей любое проявление культурного, научного, политического и экономического взаимодействия России с Западом как крайне негативное явление. Здесь языковая политика

тесно переплетается с внутренней, становясь политико-идеологическим фактором... Но это уже область, лежащая вне сферы собственно лингвистики.

Принятый закон очерчивает сферы употребления русского языка как государственного (ст. 3), при этом указывается, что в периодических печатных изданиях, в телевидении и на радио должен использоваться только литературный язык: лексика, не соответствующая нормам русского языка, может употребляться только в тех случаях, когда она «является неотъемлемой частью художественного замысла» (ст. 3 п. 1). Очевидно, что данный пункт закона допускает самые разнообразные толкования, поскольку единого и даже относительно формального понимания термина «художественный замысел» в литературоведении и искусствоведении просто нет.

В том же разделе ФЗ (в подпункте 10) указывается, что лексика, не соответствующая нормам русского языка, не может использоваться в рекламе, причем ссыла на художественный замысел уже отсутствует, то есть апеллировать к художественным задачам рекламы (которые, между прочим, присутствуют в рекламной деятельности в огромной степени) не представляется возможным. Дискурс современной российской рекламы в значительной степени использует приемы языковой игры, неологизмы, фантазийные слова. Унификация рекламных текстов в сторону только литературных форм существенно обедняет язык рекламы. Введение закона в практику уже привело к возникновению конфликтов между производителями рекламы и размещающими ее организациями в связи с использованием в рекламных текстах молодежного жаргона. Можно по-разному относиться к рекламным текстам *Нам без тебя не клёво* (реклама пива) или *Вставляет не по-детски* (реклама мороженого), но очевидно, что замена их на выражения *Нам без тебя плохо* и *Как здорово действует* ведет к потере того, что в рекламе называют «креативом». Проще говоря, обезличенные нормативные фразы в рекламном тексте не затрагивают адресата, лишая всех нас эстетической и игровой составляющей рекламного дискурса. Искусственное введение шаблонов, которых и так много в общественной коммуникации, приведет к качественным изменениям, способствующим ритуализации языка и как следствие – мышления.

Вряд ли будет реально применяться ФЗ и в сфере судопроизводства, хотя закон говорит об этом совершенно однозначно (подпункт 4). Дело в том, что в юриспруденции, в практике судопроизводства и

законодательстве функционирует достаточно специфический вариант русского языка, в котором используются не только слова с некорректной с точки зрения литературного языка акцентуацией (ср. слова с неправильными ударениями типа *осужденный, дело возбуждено*)⁶ и нестандартной семантикой (ср. *деяние*, вместо *дело, поступок, действие*), но и многочисленные словосочетания, нарушающие правила семантической сочетаемости слов русского языка. Так, в Постановлении Пленума № 6 Верховного Суда РФ (1 июля 1996 г.) обнаруживаем:

2. <...> В названных случаях гражданами и юридическими лицами на основании статей 15 и 16 ГК могут быть предъявлены требования о возмещении убытков, вызванных в том числе **необоснованным взиманием экономических (финансовых) санкций**.

В литературном русском языке санкции нельзя взимать: санкции применяются, ср. *К журналистам, сделавшим репортаж на границе, можно применить штрафные санкции, но не арестовывать же их за это, не объявлять шпионами* [Литературная газета]; *США не могут применить к компании санкции, не нарушая норм Всемирной торговой организации* [Итоги].

Другой пример. В литературном русском языке словосочетание *причинить вред* используется прежде всего по отношению к людям или их здоровью. Так, можно сказать *причинить вред Петру/здоровью Петра*, но нельзя сказать *причинить вред свободе/интересам Петра*, хотя, конечно, допустима фраза *причинить вред Петру, ограничив его свободу или игнорируя его законные интересы*. Иными словами, в позиции дат. падежа при данном выражении предпочтителен одушевленный участник ситуации или что-то тесно связанное с ним (его физической сущностью) – здоровье. В законодательстве часто используется терминологическое сочетание *причинить вред* по отношению к правам и интересам личности. Например, в ст. 163 УК РФ читаем следующее:

⁶ Отмечу здесь также нетривиальное эвфемистическое употребление судьями глагола *присаживаться* в речевых актах-предложениях *сесть на стул* и др. предметы мебели, используемые для сиденья. Этот феномен объясняется тем, что глагол *садиться* может использоваться в словосочетании *сесть/посадить в тюрьму*. То есть мотивация эвфемизма совершенно такая же, как в случае использования лекторами фразы *Я заканчиваю [лекцию]*, вместо нормативного *Я кончаю [лекцию]*.

Вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут **причинить существенный вред правам или законным интересам** потерпевшего или его близких <...>.

Такое метонимическое расширение семантики выражения *причинить вред* типично для специального языка законодательства, но неуместно в литературном русском языке.

Не ясно также, как подъязык законодательства вообще соотносится с понятием «государственный язык». Показателен в этом смысле текст самого закона. Так, часто встречающееся в законе словосочетание *пользование языком* вряд ли можно признать совершенно нормальным с точки зрения литературного языка. Дело в том, что в литературном языке отглагольное существительное *пользование* сочетается по большей части с существительными, обозначающими конкретные предметы, материальные сущности. Так, допустимы словосочетания *пользование картой, правила пользования лифтом, плата за пользование туалетом, получить в пользование квартиру*, а выражения *пользование памятью* (если это не чип в компьютере), *пользование способностями, пользование искусством, пользование математикой, пользование идеями* ощущаются как не вполне корректные. В этом смысле не вполне корректно и выражение *пользование языком*. Другое дело, что в современном подъязыке законодательства слово *пользование* как термин используется по отношению к широкому кругу существительных – как с конкретным, так и с абстрактным значением. Но если законодатель имеет в виду, что государственный язык – это литературный русский язык, то текст Федерального закона «О языке» допускает отклонения от государственного языка, что должно повлечь применение соответствующих санкций, ибо, как следует из п. 2 ст. 6 обсуждаемого закона, «нарушение настоящего Федерального закона влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации». Возникающую правовую коллизию можно воспринимать как анекдот, но некорректность правового инструмента ставит под сомнение и саму возможность его использования.

Благие намерения законодателя понятны, очевиден – по крайней мере на уровне здравого смысла – и политико-идеологический подтекст

закона. Не может не заслуживать одобрения попытка регламентации процедур нормирования русского языка – государственное утверждение действующих правил орфографии и пунктуации. В принципе достойны положительной оценки и разделы о поддержке издания словарей и грамматик русского языка. В то же время попытка законодательного воздействия на лексическую систему русского языка, возвращение к славянофильству на языковом уровне вызывает недоумение.

Представляется, что основная проблема закона как концептуальная, так и чисто практическая заключается в отсутствии у законодателя представления о том, что такое государственный язык и как он соотносится с такими феноменами, как литературный язык и специальные подъязыки. Возникает впечатление, что в тексте закона термин «государственный язык» используется в трех смыслах: как русский язык в противопоставлении к другим языкам (немецкому, английскому, французскому, испанскому и т.д., украинскому, белорусскому, татарскому и т.д.), как литературный русский язык в противопоставлении к жаргонам, диалектам и т.д. (например, в пп. 9 и 10 ст. 3) и как нормативный русский язык в противопоставлении к бранной лексике (например, в пп. 9 и 10 ст. 3). Кроме того, используется и словосочетание *русский язык как государственный язык*, соотношение которого с указанными значениями термина «государственный язык» также не вполне ясно.

Федеральный закон «О языке» принят. Остается лишь в очередной раз констатировать, что благих пожеланий и намерений мало для законотворческой деятельности. Языковая политика и языковое строительство невозможно без фундаментальной научной проработки соответствующих проблемных сфер. Именно поэтому оказались удачными и послереволюционная реформа письменности, и создание алфавитов для бесписьменных языков народов СССР, и проекты нормативных толковых словарей. Будем надеяться, что научный потенциал российской лингвистики когда-нибудь все-таки будет востребован законодателем.